

Страсти-мордасти

Семен рос послушным черноглазым мальчиком. Ничем особенным среди сверстников не выделялся. По вечерам гонял мячи на стадионе. Лазал по пожарной лестнице на крышу старой пятиэтажки, бывшего доходного дома купца первой гильдии Корытова, во времена детства Семена — общежития № 2 завода "Красный резинщик", сейчас — здания товарно-сырьевой биржи.

Когда в семье в очередной раз заканчивались деньги, Семен устраивался на почту разносить газеты. Мама ругала его за это, но деньги принимала с благодарностью. Им вдвоем не всегда удавалось дотянуть до полочки без долгов.

Мама Семена работала в оперном театре актрисой миманса. Когда-то давно, после окончания театрального, все ей прочили блестящую карьеру, но что-то не сложилось, потом беременность и... Впрочем, мама совсем не унывала по этому поводу, и даже Семена изредка пристраивала подработать в больших сложнопостановочных спектаклях, в общих сценах дети смотрелись неплохо.

Потом, возвращаясь домой после премьеры, они весело обсуждали бельканто примадонны или плохую игру нового тенора. Мама в каждом представлении видела свой шаг к будущему, тщательно выстраивала внутренние монологи и свято верила, что не бывает маленьких ролей, есть только маленькие артисты. Это ничего, что актеры миманса — просто толпа. Даже в толпе есть место настоящему искусству.

— Ты заметил, как на меня смотрел из третьего ряда режиссер С...кий? Он сейчас ставит новый фильм, вот увидишь, он обязательно меня пригласит, — восторженно говорила она Семену.

Семен никогда ей не возражал. И она, блаженно улыбаясь, целовала его в кучерявую голову.

Шли годы.

После отличного окончания автодорожного института Семена распределили на обувную фабрику имени товарища Че Гевары, и он как молодой специалист широкого профиля разрабатывал новые подъездные пути к фабрике, а заодно и современные формы коробок для обуви. Одновременно он накопал кандидатскую диссертацию на тему: "Амортизация ботинок отечественного производства в условиях средневропейского климата на дорогах с покрытием типа асфальт".

Мама постарела, но сцены не оставляла. Наоборот, с годами, когда ее фигура совсем уже достигла рубенсовских идеалов, ее стали часто приглашать сниматься в модную нынче рекламу.

Семен пропустил мимо перестройку, раннее зарождение капитализма и периодическое знакомство с девушками. Ему было некогда, он корпел над докторской на тему: "Протекторы как альтернатива каблуку и платформе".

Очнулся он только, когда фабрику купил некий иностранный инвестор и его вежливо, но настойчиво попросили освободить занимаемый кабинет в течение трех дней.

Молодой никому не нужный доктор технических наук страдал от невостребованности недолго. Его потребовало родное государство, призвав на переподготовку в армию. Вернувшись после месяца лагерей подтянутым, загорелым и очень голодным, Семен тут же попал в поле зрения авторитетного модельного агентства "Проблемы минус". Рейтинг молодого ученого, рекламирующего исподнее белье нижнетагильской ситцевой фабрики, стремительно рос. Ролики с его участием непременно находились на верхних ступеньках отечественных опросов общественного мнения. Девушки начали писать ему письма. Но в личной жизни Семен оставался аскетом и маменькиным сыночком.

Кто знает, как долго продолжалась бы трогательная мамина опека, если бы случай не свел его с ней.

Стояло жаркое сухое лето. Та часть золотой молодежи, которая еще не фьорды, потянулась на дачи. Семена на дачу пригласил его новый товарищ по работе, менеджер по связям с общественностью Тенгиз.

Толпа модников бестолково тусовалась у свежестроенного мангала и пыталась готовить барбекю (в простонародьи шашлык, у гурманов — шашлык по-карски). Дача, принадлежавшая непонятно кому, вся была заполнена флиртующими девушками, молодящимися фавнами отечественного пошиба и случайными людьми всех возрастов и профессий. К моменту прибытия наших героев на даче собралось человек двадцать, шныряющих туда-сюда и создающих страшную суматоху и неразбериху. Командовать парадом явно было некому. Эту нелегкую задачу взвалил на себя Тенгиз, он повязал фартуком узкие бедра и бодро раздавал команды направо и налево. Семен остался наедине с самим собой.

Послonyaвшись минут двадцать перед домом и безуспешно пытаясь с кем-то заговорить, Семен решил удалиться в сад. Обогнув дом с западной стороны, он оказался против солнца, и не сразу понял, что перед ним происходит. Старый разлапистый сад весь подрагивал ветками, и солнеч-

ные пятна беспечно играли и хаотично перемещались на траве, создавая мозаику Мане. В середине сада невесомо лежала в воздухе женщина. До того момента, пока она не начала двигаться, Семен не заметил, что она устроилась в гамаке, а пораженный этой неземной невесомостью, не смог ступить дальше ни шагу.

Возле женщины копошилось двое детей. Она полусонными кошачьими движеньями отбивалась от детских непосредственных атак. При этом огромная шляпа-панамы на ее голове сбилась на бок, и прядь огненно-рыжих волос то падала ей на глаза, то отлетала в сторону. Бесстыжее декольте не прикрывало ее небольшой груди, и вишневые соски вызывающе вырывались наружу при неосторожных наклонах. Женщина похохатывала низким альтом, и, руки запрокинув за голову, неожиданно вытянулась, выгнулась, словно отличный сублиматор.

Семен стоял оглушенный. Впервые в жизни он увидел самку во всей ее красоте. В нем резко проснулись давно дремавшие инстинкты. Ему немедленно захотелось распластать это длинное гибкое тело, мять, жать, покусывать и не расставаться с ним часов двенадцать подряд. Он даже немного испугался таким непривычным для себя мыслям.

Женщина тем временем опустила с гамака ногу и стала поигрывать носком туфли в траве. Дети бросали на этот жеманный носок мячик, и она вызывающе его откидывала куда подальше, нахально уставившись прямо Семену в лицо.

От этого пристального взгляда синих глазуновских глаз Семен побледнел необычайно, весь промок под мышками и окончательно смутился. Ему захотелось сбежать отсюда немедленно. привкус нехорошей истории густым ароматом заполнял воздух.

Вдруг женщина мастерским ударом послала детский резиновый мячик прямо ему в причинное место, и он неуклюже словил этот комочек послания и, нелепо согнувшись, застыл на месте.

— Что же вы стоите, как истукан? Пасуйте! — донеслось из глубины сада.
— Куда? — глупо улыбнулся Семен.
— Мне, — слегка капризно произнесла нимфа и поманила его пальчиком.
— Сейчас, сейчас, — засуетился герой подиумов и со всей дури лупанул по мячу.

Мяч, не привыкший к грубому мужскому ботинку, съживившись, улетел за забор дачи. Дети с веселым визгом отправились на его поиски.

— Вы такой неловкий, — разочарованно пожала плечами женщина.
— Ну, что вы, — промямлил в оправдание Семен и посмел приблизиться к ней на расстояние вытянутой руки.

— Степанида Антоновна, — представилась дама и протянула ему под нос свою загоревшую ручку. Семен боком, боком припал к длинным пальцам, но дама тут же ручку одернула.

— Помогите мне подняться, — повелела.

Семен, как мог, помог. Женщина оказалась немного выше его. Семен был роста 1 м 89 см. Посмотрев на него свысока, дама томно взмахнула крыльями своего полупрозрачного одеяния и медленно пошла к дому. За ней неуловимым шлейфом катился аромат восточных приторных духов. Семен послушно и обречено поплелся сзади. Отстать от нее хоть на минуту для него казалось кощунством.

Подгоревшее барбекю источало душераздирающие запахи, от них обильно катилась слюна, и хотелось немедленно выпить сухого вина. Под чутким руководством Тенгиза остатки мяса удалось спасти, и сейчас, щедро посыпав их зеленью и гранатом, Тенгиз сооружал блюдо невиданной красоты и аппетитности. Стол накрывали на улице у крыльца. Многообещающие девушки, покачивая округлостями своих тел, дружно дорезали салаты, пара вездесущих голубков-неразлучников грациозно расставляла тарелки, а самые нетерпеливые из мужчин уже врзались штопорами в упругую мякоть пробок.

Семен ничего не видел и не ощущал. Перед ним маячило только плечо в веснушках. Это острое плечо иногда подрагивало и то приподнималось, то опускалось, и тогда покачивалась земля.

— Перестаньте пялиться и дышать мне в затылок, — не оборачиваясь, произнесла Степанида Антоновна, — вот возьмите, — она нащупала его ладонь и сунула в нее визитку, — позвоните мне завтра вечером.

Маленький кусочек картона врзался Семену в руку. Непонятно, где дама хранила эти кусочки, — ни сумочки, ни кошелек у нее не наблюдалось.

Во время последующего застолья Семен безбожно напился, поскольку Степанида Антоновна, взяв за руки вернувшихся детей, ушла в неизвестном направлении. Рядом с ней ушел невзрачный серый мужчинка с нешироким лбом и выдающимися скулами.

На обратном пути Тенгиз смачно ругал Семена нехорошими словами. Семен со всем соглашался, только иногда выглядывал в окно мелко трясущегося по нашим дорогам "Порше" доисторического года выпуска и мутно глядел на удаляющийся дачный поселок.

Мама заметила неладное сразу. Она колобочком подкатилась к сыну, и, взяв пухлыми ручками его голову, внимательно заглянула в глаза. Обычно мальчик после такой ласки весь расслаблялся и глядел на нее

преданно и нежно, но сегодня он резко брыкнулся, вырвался и повалился на старый диван. Мама поняла, что меры принимать необходимо не медленно и неукоснительно. Но какие, собственно, меры — она не знала.

— Кто она? — с хорошо поставленным надрывом спросила мама.

— Не знаю, — честно ответил сын.

— Не сдавайся, — патетично продолжила мать.

— Не буду, — пообещал Семен и заснул, аки младенец.

Из его сжатого кулака нелепо торчал кусочек бумажки, но как ни старалась мать достать его, ей это не удалось.

События дальше развивались стремительно. После вечернего звонка Степанида Антоновна пригласила Семена в гости. Он готовился более тщательно, чем к последней съемке. Визажист агентства "Проблемы минус" Гвоздиков даже одолжил ему свой галстук неотразимой расцветки с Мэрилин Монро, забриллинил волосы до безукоризненной степени и выбрил до неприличной синевы щеки. Трехдневная щетина выходит из моды, — мурлыкая, напоследок объяснил Гвоздиков.

Во всеоружии, с букетом гладиолусов наперевес Семен отправился на первое свидание. Степанида Антоновна жила у черта на куличках. Ехать пришлось долго. Поднявшись по грязной лестнице на пятнадцатый этаж — лифт не работал, — Семен с облегчением нажал на кнопку звонка. Ему открыл низкорослый доходяга — дачный спутник Степаниды, он с огромными чемоданами выходил вон. Обменявшись с Семеном рукопожатием, доходяга уточнил:

— Новый коллега по работе?

— Да, — неуверенно пробормотал сбитый с толку "коллега".

— Удачно провести время, — пожелал уходящий и погрохотал вниз по лестнице.

Степанида Антоновна смущенно ждала Семена в темной прихожей.

— Неожиданно вернулся, а ведь уезжает навсегда. Вы проходите, проходите, не обращайтесь внимания.

Семен церемонно вручил ей немного подвявшие цветы, и она расплылась вся в коралловой улыбке.

— Как мило, как романтично, мужчины сейчас почти не дарят цветов, — и чмокнула его в щеку.

Тут же был забыт непонятный доходяга, и, настроившись на любовный лад, мужчина потянулся руками к женщине. Дотянуться ему не удалось, дети выбежали из комнаты и прожогом промелькнули мимо них. Хлопнула входная дверь.

— Что же мы в коридоре? — спохватилась Степанида Антоновна. — Пойдемте в кухню.

Семен слегка огляделся вокруг. Маленькая двухкомнатная квартира напоминала сарай после пролетевшего урагана. Ободранные обои клоками свисали со стен, полуразбитое бра, висевшее возле треснутого зеркала, плохо освещало прихожую, везде валялись обломки стульев, клочки газет и поломанные детские игрушки. Степанида Антоновна, завернутая в шелковое полинезийское сари, диковинной птицей скользила мимо.

На кухне в мойке застыла гора немытой посуды, везде — на столе, на холодильнике, на табуретках — расплывались жирные пятна, валялись крошки хлеба и остатки еды. Тараканы вольготно ползали по стенам. Степанида Антоновна зажгла плиту и предложила:

— Чай, кофе?

— Кофе, — неуверенно произнес Семен.

Степанида тем временем пристраивала гладиолусы в трехлитровой банке.

— Расскажите мне о себе, — предложила.

— Что тут рассказывать, я вас хочу... — с ходу решил он, не понимая, отчего вид грязной квартиры приводит его в такое неистовое возбуждение.

— Вы понимаете, у меня есть некоторые проблемы, — проворковала Степанида Антоновна, — как бы вам лучше объяснить? — последовала продолжительная пауза. — Прежде, чем завести роман, а женщина я строгих правил, и встречаю только по любви, и только с одним. Мне необходимо узнать, какие у вас ягодицы.

— Что? — не понял Семен.

— Ну, — потупила глаза дива, — какой формы у вас попа.

Последнее слово она произнесла полупешотом, вся зардевшись.

— И это все? — не поверил Семен.

— Да, это очень важно, это главное. Если мне не понравится, давайте забудем о нашем знакомстве.

— А если понравится?

— Приспустите штаны, станьте на табурет и повернитесь ко мне спиной, — в ответ скомандовала она.

Рассматривание длилось униженно долго, кофе сбежал и булькал на плите. Оказывается, Степанида наслаждалась увиденной картиной.

— О, это то, что я так давно безуспешно искала, — наконец-то донеслось до него снизу, пойдемте в спальню.

На смятых, давно не менянных простынях Семен познал ее упругое лоно. Познание длилось до прихода детей, которые сквозь плохо закры-

тую дверь настойчиво потребовали ужинать. Узкое, длинное и гибкое тело Степаниды соскользнуло с кровати ровно на пять минут для указания детям направления, в котором находится холодильник. Дальше познание длилось до утра. Не подозревавший в себе столь затаенной силы Семен ушел от нее полностью опустошенный.

Все смешалось в голове у бедного доктора технических наук, он любил ее, она любила его ягодицы.

Визиты, однако, он оставить не мог, и поэтому, загодя запасясь килограммом сосисок или пачкойпельменей для детей, тащился через весь город к ней. Степанида встречала его, шлифуя ногти, и все продолжалось, как в первый раз. Любовники почти не разговаривали друг с другом. Днем Степанида спала, чтобы ночью насладиться в полной мере своей новой страстью. В редких перерывах между ласками Семен мыл посуду, стирал белье, клеил обои и чувствовал полную ответственность за невыученные уроки детей.

Мама жутко нервничала, а на работе сначала дружно обрадовались его новому образу с блестящими неумным светом глазами, но после опомнились и заперевивали. Семен терял вес, выглядел уставшим, сонным, постаревшим и помятым.

— Эта женщина высосет из тебя все соки, — сокрушалась мама, насыпая в тарелку макароны по-флотски с горкой.

— Нет, ты не права, — отрицал сын, и, забрав из кастрюли остатки макарон, уходил в темноту.

Незаметно пролетело три месяца. В один из вечеров Семен крепко задумался: а что же дальше? В момент его тяжелых раздумий Степанида изучала изрядно похудевший и потерявший былые упругие очертания зад нашего героя.

— Ты знаешь, Сеня, — проворковала дива, — нам, наверное, пора расставаться.

Семен возражать не стал. Натянув штаны и застегнув пояс на последнюю дырку, он забрал Степанидиных детей и ушел жить к маме. Навстречу ему по лестнице поднимался высокий спортсмен, под тесной рубашкой которого весело подпрыгивали бицепсы.

